
СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

SOCIO-CULTURAL COMMUNICATIONS

УДК 008.001

ДИСЦИПЛИНАРНЫЙ СТАТУС И КАТЕГОРИЗАЦИЯ КУЛЬТУРОЛОГИИ

Э. А. УСОВСКАЯ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются проблемы дисциплинарного и научного статуса культурологии и культурологических исследований. Культурология стала одной из приоритетных наук и учебных дисциплин в социальном и гуманитарном пространстве и образовании. Ее роль и место во многом определяются историческими, культурно-мировоззренческими изменениями в Европе и мире, которые произошли после Второй мировой войны (в том числе в межкультурных, межнациональных взаимоотношениях), а также на рубеже XX–XXI вв. Однако есть немало дискуссионных вопросов, которые остаются открытыми, нуждающимися в атрибуции и категоризации. Среди них проблема соотношения культурологии и культурных исследований, других областей знания, предметом изучения которых является культура.

Ключевые слова: культурология; категоризация; дисциплинарный и научный статус; *cultural studies*; междисциплинарность.

DISCIPLINARY STATUS AND CATEGORIZATION OF CULTUROLOGY

E. A. USOVSKAYA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article discusses the problems of the disciplinary and scientific status of culturology and cultural studies. Culturology has become one of the priority sciences and academic disciplines in the social and humanitarian space and education. Its role and place are largely determined by the historical, cultural and ideological changes in Europe and the

Образец цитирования:

Усовская ЭА. Дисциплинарный статус и категоризация культурологии. *Человек в социокультурном измерении*. 2020;1: 5–11.

For citation:

Usovskaya EA. Disciplinary status and categorization of culturology. *Human in the Socio-Cultural Dimension*. 2020;1:5–11. Russian.

Автор:

Элина Аркадьевна Усовская – кандидат культурологии, доцент; заведующий кафедрой культурологии факультета социокультурных коммуникаций.

Author:

Elina A. Usovskaya, PhD (cultural studies), docent; head of the department of cultural studies, faculty of social and cultural communications.
elina-rain@mail.ru

world that occurred after the World War II, including in intercultural, interethnic relations, as well as at the turn of the 20–21 centuries. However, there are many debatable issues that remain open, requiring attribution and categorization. Among them is the problem of the correlation of culturology and cultural studies, other fields of knowledge, the subject of which is culture.

Keywords: culturology; categorization; disciplinary and scientific status; cultural studies; interdisciplinarity.

Введение

Культурология как наука уже заняла достаточно прочное место в системе социального и гуманитарного знания в нашей стране. В 1996 г. при кафедре социологии и культуроведения Белорусского университета культуры открылась аспирантура по специальности 24.00.01 «Теория и история культуры». Возможно, этот год и следует считать временем зарождения культурологической школы в Беларуси. В то же время за точку отсчета ее появления можно взять и более ранний период, скажем, время национально-культурного возрождения и белорусизации, когда исследование белорусской истории и культуры нации являлось одной из актуальных научных проблем.

Сегодня в республике осуществляется подготовка специалистов-культурологов, центрами их обучения являются Белорусский государственный университет культуры и искусств, Белорусский государственный университет, Институт современных знаний имени А. М. Широкова. Создана научная культурологическая школа, направления которой охватывают широкий круг теоретических и практических вопросов.

Однако дисциплинарный и научный статус культурологии остается дискуссионным. Не только в массовом сознании, но и на уровне научного сообщества нередко звучат вопросы о необходимости культурологии как таковой. Нет единства и в понимании предметного поля и направлений культурологии. Зачастую она воспринимается лишь в фундаментальном ракурсе как философия культуры, искусствоведение или религиоведение. По мере возрастания роли креативных культурных индустрий, систем управления и маркетинга, консалтинга в культуре культурология начинает рассматриваться в качестве прикладной дисциплины. В связи с этим актуальной представляется задача по раскрытию прикладных возможностей культурологии, что должно найти отражение в стандарте образования, в наименовании специальности, по которой обучение осуществляется в аспирантуре (сейчас оно ограничено специальностью 24.00.01 «Теория и история культуры»), а также в названии квалификации, присуждаемой культурологам, получившим образование по направлению «Культурология (фундаментальная)»: квалификация заявлена как «Культуролог-исследователь. Преподаватель», что затрудняет трудоустройство выпускников, поскольку неясно, какие дисциплины он может преподавать.

В целом приходится констатировать, что в образовательном и научном пространстве создается парадоксальная ситуация: либо культурологию воспринимают как сугубо философско-гуманитарную дисциплину, либо как прикладную. Поэтому перед культурологами снова встает задача объединить усилия по формированию такого дисциплинарного и научного культурологического поля, дискурсы которого не противостояли бы друг другу, а дополняли.

Результаты и их обсуждение

Необходимость создания самостоятельной науки о культуре созрела давно, еще на рубеже XIX–XX вв. Она была вызвана самыми разными причинами: социально-экономическими, политическими трансформациями в результате индустриальной и научной революций, возрастанием значения так называемого культурного фактора в развитии общества, стремлением разграничить методологию и проблематику исследований естественно-научного и гуманитарного характера. Попытки создания науки о культуре принадлежат, в частности, В. Оствальду, Г. Риккерт. Так или иначе идея самостоятельной отрасли науки о культуре вызревала в русле культурных (социальных), антропологических, этнологических, исторических, лингвистических, филологических, психологических, искусствоведческих исследований. Существенный вклад в оформление и развитие предметного поля культурологии внесли представители разных школ американской и британской культурной (социальной) антропологии (Ф. Боас, М. Мид, К. Клакхон, Ф. Крёбер, К. Гирц, М. Херсковиц, Б. Малиновский), кросс-культурных и межкультурных исследований и коммуникации (Э. Холл, Г. Хофстеде), сторонники деятельностного и аксиологического подходов (Э. Маркарян, М. Каган, Г. Риккерт, Г. Выжлецов), представители исторической школы социальных (ментальных) исследований (Л. Февр, М. Блок) и др.

Наиболее полную версию науки о культуре – культурологии – удалось создать американскому неэволюционисту Л. Уайту, который ввел в научный оборот термин «культурология» (*Kulturologie*),

некогда предложенный немецким химиком, философом, реформатором науки о культуре В. Оствальдом. Вся жизнь Л. Уайта отстаивал идею о системном характере культурологии и о культуре как способе человеческого бытия и результате адаптации к среде. Им создан монументальный труд «Наука о культуре» (к сожалению, незавершенный), где обосновывалось научное, социальное, гуманитарное значение культурологии как науки, рассматривались ее отличия от психологии и социологии. Особое значение ученый придавал новой для того времени дисциплине о понимании сущности человека и его деятельности, полагая, что «социо-политико-экономические системы – короче говоря, культуры, – внутри которых живет, дышит и размножается род человеческий, во много раз важнее для будущего Человека. Мы только начинаем понимать это... “Открытие” культуры когда-нибудь станет в истории в один ряд с гелиоцентрической теорией Коперника или открытием клеточной основы всех форм жизни» [1]. Труды и концепция Л. Уайта долгое время не признавались, но стали актуальными в период с 1960-х гг., когда культурный поворот постмодерна обозначил необходимость системных исследований, касающихся культуры в целом, ее форм, паттернов и конфигураций.

Несмотря на активное обсуждение и конкретные шаги по оформлению культурологии как единой науки, предпринятые В. Оствальдом, Л. Уайтом, Дж. Феллманом и другими учеными, в послевоенной американской и европейской науке второй половины XX в. статус культурологии как самостоятельной отрасли знания и единой науки о культуре в той или иной степени подвергался пересмотру. Споры о возможности и необходимости ее создания продолжаются и сегодня. Как указывает Д. Бахманн-Медик, открытой остается следующая альтернатива: «Стоит ли разрабатывать науку о культуре в единственном числе как отдельный предмет или следует все же развивать науки о культуре во множественном – как перспективу, стягивающую вместе различные дисциплины, как “общедисциплинарную направляющую категорию”»? [2, с. 9].

Эта дилемма определила два основных направления, в целом абрисные, в развитии дисциплин, чьим предметом является культура. Первое направление культурологическое, второе – культурные исследования. Культурологическое направление продолжает традицию американской (в лице Л. Уайта) и отчасти немецкой философии и антропологии, рассматривающей культурологию (*Kulturwissenschaften*) как науку о ценностях, духе, о том, что не относится к природе. Самой важной чертой этого направления является принцип системности, стремление культурологии стать неким общедисциплинарным пространством для гуманитарных наук с ее одновременным междисциплинарным характером исследования. Культурные исследования (*cultural studies*) нацелены в большей степени на изучение конкретных объектов и проявлений культуры, о чем будет идти речь ниже.

В Германии, на восточноевропейском пространстве, в частности, в ряде постсоветских государств, культурология выступает как относительно самостоятельная наука. В США она так и не стала единой систематизированной отраслью знания. Культурология в Беларуси совмещает линию постсоветской стратегии исследований культуры в ее онтологическом ключе с самыми современными направлениями: межкультурной коммуникацией, кросс-культурными исследованиями, менеджментом и маркетингом в сфере культуры. Однако лакун здесь еще очень много.

Категоризация культурологии

Рассмотрим некоторые проблемы, относящиеся к категоризации культурологии. Одной из них является вопрос о ее предметном статусе, в том числе принадлежности к корпусу социальных и гуманитарных наук. В данном контексте интерес представляет позиция одного из классиков советской, постсоветской, мировой и российской культурологии А. Я. Флиера, который рассматривает культурологию не как классическую научную дисциплину, выделяемую по объектно-предметному признаку, а как научную парадигму, в основе которой «лежит проблемная интерпретация социальной активности человека, мотивируемой экстраутилитарными установками сознания» [3, с. 53]. Действительно, выработанные классические требования к определению науки, применяемые к культурологии, не работают в полной мере. Уже достаточно давно пальма первенства принадлежит тем дисциплинам и наукам, которые обладают междисциплинарным и полипарадигмальным характером. В этом плане культурология представляет собой науку, создающую такую предметную область, которая выстраивается вокруг культуры и человека в многообразии их связей и отношений; она, говоря словами М. Эпштейна, является транскультурной, представляющей по своей сути не просто знание, но особый способ транскультурного бытия, в связи с чем культуролог делает предметом определения саму культуру и тем самым выходит за ее пределы [4, с. 114]. Следовательно, предметная область культурологии постоянно расширяется, захватывает области самых разных наук и дисциплин, выходит за собственные пределы. Это вполне закономерный процесс, поскольку система взаимодействий человеческих общностей друг с другом и внешней средой, а также способы решения возникающих проблем изменчивы, динамичны, они

приводят к поиску ответов на новые вызовы. Меняются человеческая культура и ее национальные формы, явления и объекты культуры, трансформируется и область культурологии.

Актуальность появления и существования культурологии не сводится только к исследованию «социальной активности человека, мотивируемой экстраутилитарными установками сознания» [3, с. 53]. Культура в ее онтологическом плане есть способ человеческого существования, результат адаптации к экологической среде и одновременно друг к другу – человека к человеку, сообществ к сообществам. Поэтому в основе культурного бытия человека находятся и соматические, и экстрасоматические потребности и цели. Конечно, культурология не изучает физиологию человека и потребности данного рода, но исследует, что приводит к рождению потребностей и установок, в том числе и материального характера: почему люди носят именно такую одежду, именно так едят, спят, думают, вступают в брак; что стоит за имеющейся конфигурацией и содержанием ценностей, норм, правил, знаков, символов, моделей поведения; почему и как влияют ценности на людей, какое воздействие они оказывают на формирование уникальности национальных культур и межкультурных различий; как складывается личностный мир, осуществляется инкультурация личности и др. Круг этих проблем и их решение свидетельствуют о том, что культурологии свойственна социальная направленность, а значит, ее необходимо включить в область социальных наук.

С другой стороны, культурология, как и культура, воспринимается как та сфера научного знания, которая ответственна за формирование личности, ее духовно-культурного облика. Она осуществляет фактически ту функцию, которую некогда, в эпоху Ренессанса, должна была выполнять *studia humanitatis* – формирование собственно человеческого в человеке, личности. Эта значит, что миссия культурологии состоит в гуманизации и гуманитаризации человека. В таком отношении культурология, бесспорно, относится к числу гуманитарных наук.

Принадлежность культурологии к гуманитарным наукам подкрепляется и ее направленностью на выявление, говоря словами А. Я. Флиера, *смыслов* человеческого существования, деятельности и взаимодействия, манифестируемых (репрезентируемых) преимущественно культурой и ее ценностными установками [3, с. 54]. Действительно, культура, став способом человеческого бытия, представляет собой прежде всего систему сложных ориентиров, кодов, дающих возможность индивиду ориентироваться в мире и выстраивать с ним взаимодействие в виде ценностей и норм, в основе которых лежит и процедура осмысления, т. е. оценивания окружающей среды (мир в целом, люди).

Культурология, как и культура, таким образом, представляет собой сложную многоуровневую самоорганизующуюся систему, которая не может находиться за пределами личности, общества и экологической среды, что приводит к ее предметной многогранности и полидисциплинарности.

Культурология и культурные исследования

Еще одна проблема, которая в настоящее время продолжает оставаться актуальной, – это разграничение культурологии и других дисциплин и наук, в центре изучения которых находится культура. Дело касается, в частности, культурной (социальной) антропологии и культурных исследований.

Толкование термина «культурология» в словарях и энциклопедиях по постсоветской истории, в учебной литературе, как правило, осуществляется через такие ее характеристики, как системность, целостность, комплексность. Культурология выступает как наука об исследовании принципов, сущности, закономерностей генезиса и развития культуры, а также как дисциплина, ставящая перед собой цель гуманизации личности. Так, российский исследователь С. Н. Иконникова полагает, что «культурология, будучи гуманитарной наукой, исследует культуру как исторически развивающееся, многогранное, сложное общественное явление, способ жизни человека, выражающий его родовую специфику и предназначение» [5, с. 19]. У Л. А. Флиера культурология – зародившаяся в середине XX в. научная дисциплина, «содержание которой составляют теория и практика системных исследований феномена культуры» [6, с. 1069]. Пожалуй, рассмотрение теории и практики исследований культуры как предмета культурологии встречается не так часто. В большинстве случаев под культурологией понимается наука междисциплинарного характера, возникшая на основе этнологии, антропологии, философии, литературоведения, искусствоведения, цель которой заключается в изучении культуры как способа человеческого существования и деятельности. Культурология в таком прочтении является целостной наукой, включающей и теоретическую (фундаментальную) часть (онтологию, феноменологию, динамику культуры, историю культуры и т. д.), и прикладную. Последняя, правда, обладает нечеткими границами, а разделение культурологии на фундаментальную и прикладную не всегда позволяет обнаружить взаимосвязь между теоретическим и практическим содержанием культурных явлений, артефактов и т. д.

Kulturwissenschaften в немецкой исследовательской традиции в настоящее время рассматривается как исследования материальных и символических аспектов культуры, ее измерений. Предметное поле

этой дисциплины чрезвычайно широко и в некотором роде стремится преодолеть политизированность контекстов объектов культуры в исследованиях. В издании «Энциклопедия философии и философии науки» дается подробный анализ генезиса понятия *Kulturwissenschaften* в разных дисциплинах, в том числе философии, антропологии, искусствоведении, коммуникации, литературоведении, что в очередной раз подчеркивает ее междисциплинарность [7, S. 411–413]. В отличие от культурных исследований, культурология в Германии направлена на изучение конкретных культур, их региональных форм (например, американистика, исследования ближневосточных, африканских культур и т. д.). В зависимости от институционализации *Kulturwissenschaften* в Германии преподается, скорее, как эмпирические культурологические исследования (этнология, фольклор) или как исторические культурологические исследования (культурология, культурная история). Впрочем, разнообразие направлений культурологии в Германии сегодня демонстрирует ее методологический и предметный плюрализм, что, на наш взгляд, способствует размыванию целостности *Kulturwissenschaften*. Однако спор между науками о культуре и культурологией как базовым предметом продолжаются, идет поиск общих черт, областей между узконаправленными, гетерогенными дисциплинами о культуре.

Культурная антропология, как и отечественная культурология, имеет обширную предметную область. Если проанализировать труд «Современная культурная антропология» М. Говарда [8], то можно обнаружить, что спектр рассматриваемых в ней проблем очень широк: от теоретических принципов культурной антропологии до религии, болезней и методов их лечения в разных обществах и культурах. В учебном пособии Т. И. Борко [9] круг изучаемых вопросов сужен и касается в большей степени роли языка, искусства, мифа в антропогенезе. При этом следует отметить, что культурная антропология не так давно вышла из-под влияния этнографической традиции, сложившейся в США и Европе, анализа и описания традиционных культур в ущерб современным модернизационным и другим процессам. В связи с этим П. Мерсье в статье «Культурная антропология» пишет, в частности, что «антропологи сегодня изучают не только примитивные общества. Их исследования распространяются не только на сельские общины в современных обществах, но и на города, а также на промышленные предприятия» [10].

Культурная антропология в настоящее время стремится стать той научной дисциплиной, предметная область которой соответствует названию, а значит, включает связи между человеком и культурой, рассматривает человека как «культурное» существо. Это также выдвигает вопрос о границах и предмете культурной антропологии.

Культурные исследования – *cultural studies* – стали актуальными приблизительно с 1960-х гг. (пик популярности пришелся на 1980–90-е гг.). Это было вызвано самыми разными причинами социокультурного характера, культурными и политическими сдвигами, постколониальными трансформациями, которые произошли во второй половине XX в. Интерес к культуре – культурный поворот – стал одним из самых впечатляющих социальных и гуманитарных ценностно-мировоззренческих достижений на фоне формировавшегося постмодерна. Переориентация на культуру позволила изменить взгляд на понимание общества и общественного развития как области, сущность которой детерминирована сугубо экономическими и политическими факторами. Первыми как формообразующие и движущие силы социального действия на уровне теории были осмыслены язык и текст, культура рассматривалась как текст, а впоследствии был сделан шаг в сторону понимания «культуры как текстуры социального» [3, с. 14]. Это способствовало созданию ситуации эпистемологического разнообразия в противовес бинарному оппозиционизму в социальных исследованиях и запустило интенсивное формирование корпуса наук о культуре.

Большое значение для становления *cultural studies* имел Бирмингемский центр культурных исследований, основанный Р. Хогартом, а затем возглавляемый С. Холлом и Х. Ларрейном. Р. Хогарт положил начало *cultural studies*, изучая культуру повседневности рабочего класса, к которому он принадлежал. Его интересовали ценности культуры и досуг рабочих, влияние массовой культуры на характер их потребностей и времяпрепровождение. Постепенно культурные исследования стали распространяться на разные субкультуры, в том числе расовые и сексуальные меньшинства. Важно для Бирмингемского центра культурных исследований изучение медиа в разных формах проявления, в частности взаимодействие культуры и медиакommunikации. Те же вопросы находятся в поле зрения Центра современных культурных исследований (*Centre for Contemporary Cultural Studies*).

Понятие *cultural studies* достаточно сложно адекватно перевести на русский язык в смысловом отношении и обозначить его предметную область. Долгое время культурные исследования считались в нашей стране эквивалентом культурологии. Однако это не совсем так. Если на постсоветском пространстве культурология представляет собой науку с более или менее сложившейся предметной областью и следует за идеями Л. Уайта, а также отчасти немецкой традицией понимания культурологии, то культурные исследования не претендуют на статус науки и предполагают разнообразие научных интересов и проблем изучения, в большей степени направленных на исследование практик формирования

идентичности, гендера, политических явлений и культуры социальных общностей. С. Холл следующим образом сформулировал направления культурных исследований: «Что является специфическим, особенным в перспективе культурных исследований? Я полагаю, это вопрос политико-культурной сферы или культуры политической сферы, который приближается или даже составляет центральное понятие культурных исследований»¹ [11, S. 141]. Особую роль для социолога играла методология диалога, заимствованная у М. Бахтина, как возможность изучения культурных символов и значений в ситуации культурного, политического, экономического кризиса, рассматриваемого в виде источника обновления.

Анализируя содержание программы *cultural studies*, В. Куренной полагает, что в центре внимания здесь стоит многообразие проявлений культуры повседневности, точнее, «выявление тех скрытых характеристик, а именно – власти и конфликта, которые пронизывают сферу повседневной культуры – прежде всего популярной и медийной. Таким образом, не культура как особый предмет является отличительной особенностью культурных исследований. Культурные исследования объединяет не предмет (повседневная культура, массовая или медиакультура), а практическая цель – экспликация политического и политической перспективы» [12, с. 20].

Этот оригинальный и приносящий практические плоды подход сосредоточивает внимание на культуре не как объекте; культура становится «способом проживания», совокупностью практик, формирующих идентичность субъекта класса, расы и гендера, о котором мы, в свою очередь, имеем крайне фрагментарное представление» [13, с. 427]. В этом случае, правда, не совсем понятно, что имеется в виду под выражением «культура как объект». Возможно, представители культурных исследований не ставят перед собой цель изучить культуру в онтологическом, аксиологическом или деятельностном ключе. Их в большей степени интересуют проблемы политического характера, точнее, вопрос о политическом контексте идентичности и культурных репрезентаций. Такой ракурс вполне объясним. Как и многие социально-гуманитарные дискурсы, возникшие после Второй мировой войны, *cultural studies* опасались четкого обозначения предмета, методологического инструментария, которые могли расцениваться как тоталитаризация или идеологизация сознания, языка, мышления, целостности как одномерности и центрации (понятие постструктурализма-постмодернизма). Поэтому для культурных исследований характерна междисциплинарность, которая позиционируется не только как следствие многомерности проводимых исследований, но и как способ избежать политической, властной, идеологической ангажированности.

Следует помнить, что понимание предмета культурных исследований в британской традиции, как и в большинстве стран Европы, отличается от его трактовки белорусскими социологами и большинством культурологических школ России. Нередко под культурными исследованиями имеются в виду исследования конкретных национальных культур (английской, белорусской, польской и т. д.). Нам это представляется вполне логичным. Однако, как видим, в большей части европейского научного дискурса изучение культур в их национальном, этническом, цивилизационном измерении проводится в рамках культурантропологических, кросс-культурных исследований, дополняемых, в частности, кросс-культурной психологией.

Тем не менее при всей разнице в изучении культуры в культурологии и *cultural studies* их объединяет междисциплинарность, многоплановость исследований, стремление использовать разные подходы к культуре и человеку в ней. Культурология, по крайней мере в белорусском научном пространстве, тяготеет к выработке собственного научного языка, системности и целостности исследований. Вряд ли это является свидетельством продолжения советской традиции, тяготевшей к идеологическому единомыслию. Это, скорее, отражение устойчивого стереотипного взгляда на науку как область, обладающую четко выверенным, верифицируемым единым языком, предметом, методологическим инструментарием.

Заключение

Культурология вследствие многогранности предмета изучения – культуры – обладает уникальным междисциплинарным характером. Это определяет неоднозначность ее границ и проблемного поля. При этом культурология сохраняет статус науки, совмещающей и социальную, и гуманитарную направленность, включает философско-онтологические, феноменологические и другие теоретические аспекты, а также социально-критические, креативные прикладные срезы.

В западноевропейском и американском научном дискурсе культурология не выступает, как правило, в качестве целостной науки с четко определенным предметным полем. Это место занимают так называемые культурные исследования, в центре внимания которых находится широкий спектр вопросов, касающихся исследований культурных форм и их властных, политических контекстов. В то же время существует немало дисциплин, изучающих культуру с точки зрения ее национальной, этнической ори-

¹Перевод наш. – Э. У.

гинальности и уникальности, межкультурных взаимодействий, ценностного наполнения и т. д. Нам представляется, что культурология в Беларуси, России, некоторых других странах Восточной Европы стремится к сохранению системного знания, науки о культуре в самых разных смыслах понимания собственно культуры. В то же время в последние годы и в Беларуси, и в мире ведущей тенденцией становится развитие наук о культуре, предметом которых являются все проблемы, которые так или иначе связаны с культурой. Эта тенденция избавляет британские культурные исследования от определенной политизации, а культурологии придают статус многомерных исследований, включающих и межкультурную коммуникацию, и культурный менеджмент, и гендерные исследования. В то же время наблюдается отход от рассмотрения культуры в онтологическом ключе.

Библиографические ссылки

1. Уайт Л. *Избранное: Наука о культуре* [Интернет; процитировано 15 октября 2019 г.]. Доступно по: <http://www.elibrary.ru/item.asp?id=19655772>.
2. Бахманн-Медик Д. *Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре*. Москва: НЛО; 2017. 504 с.
3. Флиер А.Я. Культурология как система познания. *Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств*. 2016;2(46):53–59.
4. Эпштейн М. *Будущее гуманитарных наук*. Москва: Рипол-Классик; 2019. 239 с.
5. Иконникова НС. *История культурологии*. Москва: Юрайт; 2018. 416 с.
6. Левит СЯ, редактор. *Культурология. Энциклопедия. Том 1*. Москва: Росспэн; 2007. 1392 с.
7. Aleksandrovich D, Weber K. *Enzyklopädie Philosophie und Wissenschaftstheorie. Band 4*. Stuttgart: Springer-Verlag; 2010. 595 S.
8. Говард М. *Сучасная культурная антрапалогія*. Мінск: Тэхналогія; 1995. 478 с.
9. Борко ТИ. *Культурная антропология*. Москва: Юрайт; 2017. 258 с.
10. Mercier P. Cultural anthropology [Internet; cited 2019 December 4]. Available from: <https://www.britannica.com/science/cultural-anthropology#ref38781>.
11. Hall S. *Cultural Studies – Ein politisches Theorieprojekt. Ausgewählte Schrift 3*. Hamburg: Argument; 1996. 160 S.
12. Куренной В. Исследовательская и политическая программа культурных исследований. *Логос*. 2012;1(85):14–79.
13. Усманова А. Гендер и культура в парадигме культурных исследований. В: Жеребкин СВ, редактор. *Введение в гендерные исследования*. Санкт-Петербург: Алетея; 2001. с. 427–464.

References

1. White L. *Selected works: science about culture* [Internet; cited 2019 October 15]. Available from: <http://www.elibrary.ru/item.asp?id=19655772>. Russian.
2. Bachmann-Medik D. *Kulturnye povoroty. Novye orientiry v naukah o kulture* [Cultural turns. New landmarks in the sciences of culture]. Moscow: NLO; 2017. 504 p. Russian.
3. Flier AY. Cultural studies as a system of knowledge. *Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts*. 2016;2(46):53–59. Russian.
4. Epstein M. *Budushchee gumanitarnykh nauk* [The future of the humanities]. Moscow: Rapol-Classic; 2019. 239 p. Russian.
5. Ikonnikova NS. *Istoriya kul'turologii* [History of culturology]. Moscow: Yurait; 2018. 416 p. Russian.
6. Levit SY, editor. *Kul'turologiya. Entsiklopediya. Tom 1* [Culturology. Encyclopedia. Volume 1]. Moscow: Rosspen; 2007. 1392 p. Russian.
7. Aleksandrovich D, Weber K. *Enzyklopädie Philosophie und Wissenschaftstheorie. Band 4*. Stuttgart: Springer-Verlag; 2010. 595 S.
8. Howard M. *Suchasnaja kulturnaja antrapalogija* [Nowadays cultural anthropology]. Minsk: Tjekhnalogija; 1995. 478 p. Belarusian.
9. Borko TI. *Kulturnaya antropologiya* [Cultural anthropology]. Moscow: Yurayt; 2017. 258 p. Russian.
10. Mercier P. *Cultural anthropology* [Internet; cited 2019 December 4]. Available from: <https://www.britannica.com/science/cultural-anthropology#ref38781>.
11. Hall S. *Culture Studies – Ein politisches Theorieprojekt. Ausgewählte Schrift 3*. Hamburg: Argument; 1996. 160 S.
12. Kurennoi V. [Research and political program for cultural research]. *Logos*. 2012;1(85):14–79. Russian.
13. Usmanova A. [Gender and culture in the paradigm of cultural research]. In: Zhrebkin SV, editor. *Vvedenie v gendernye issledovaniya* [Introduction to gender studies]. Saint Petersburg: Aletheia; 2001. p. 427–464. Russian.

Статья поступила в редакцию 11.12.2019.
Received by editorial board 11.12.2019.